

XL. Пока стадо верующих оставалось в отчаянии, а сам Бозмунд, атакованный врасплох, вместе со своими людьми, начал сопротивляться с меньшим жаром, уже около 4 тысяч человек христианской армии пали под ударами неприятеля, вестник, оседлав быстрого коня, летел над пропастью гор и прибыл печальный, задыхаясь, к герцогу. Готфрид, выйдя в ту минуту из палатки, шел навестить своих товарищей по оружию. Заметив издали вестника, летевшего изо всех сил с лицом бледным и искаженным, он спросил его о причине такой поспешности, чтобы передать о всем случившемся другим вождям. Песя важную и печальную новость, гонец отвечал ему: «Наши князья и сам Бозмунд выдерживают в эту минуту всю тяжесть утомительной битвы; над народом, следовавшим за ним, уже произнесен смертный приговор, который скоро обрушится и на голову всех князей, если вы не поспешите к ним на помощь. Турки ворвались в наш лагерь; спустившись с долины, называемой *Озелли*, то есть *Ужасной*, в долину Догоргану, они без усталости умерщвляют пилигримов; Роберт Парижский убит и ему отрублена голова; статный юноша Вильгельм, сын сестры Бозмунда, пораженный насмерть, заслуживает нашего сожаления. Вот почему все союзники приглашают вас на помощь; не медлите и ускорьте свои шаги».

XLI. Узнав о бедствии своих братьев и о дерзости турок, герцог приказал трубить во все стороны, созвать всех своих спутников, схватиться за оружие, поднять знамена и лететь на помощь пилигримам, не давая себе отдыха. Немедленно и как бы идя на веселое пиршество, христиане спешат взяться за оружие, надеть панцири, подоясаться мечом, взбрызнуть и оседлать лошадей, захватить свои щиты, и 60 тысяч рыцарей выходят из лагеря, сопровождаемые толпами искоты. День был уже в полном блеске, солнце сияло великолепно; его лучи отражались на золотых щитах и железных панцирях; знамена и привязанные к шикам пурпуровые значки, разукрашенные драгоценными камнями, сверкали, развеваясь; всякий прищоривал быстрого коня; никто не покинул брата или товарища и не спшил,

как мог, на помощь христианам, чтобы отомстить за них. Видя наших, поспешавших на помощь своим братьям и пылавших жаждой битвы, притом в большом числе, покрытых железом и с распущенными по ветру знаменами, блестящими боевыми значками, турки обратились в бегство; пораженные ужасом и оставив убийство, одни спасались по полям, другие бросились по тропинкам, им известным. Но Солиман, предводительствуя сильным отрядом, отступил на вершину горы и, остановившись там, начал готовиться к новой схватке с христианами.

XLII. Герцог Готфрид, имея под собой быстрого коня, прибыл первым с 50 своими соратниками, выстроил парод, следовавший по его стопам, и не медля двинулся на вершину горы, чтобы вступить в рукопашную с турками; а турки, собравшись на горе, стояли неподвижно и готовились к сопротивлению. Наконец, соединив всех своих, Готфрид бросился на выжидавшего неприятеля, направил на него все копыта и громким голосом увещевал соратников нападать неустранимо. Тогда турки и их предводитель Солиман, видя, что герцог Готфрид и его люди с мужеством настаивают на битве, опустили поводья лошадям и быстро побежали прочь с горы. Готфрид преследовал их на расстоянии 6 миль, поражая одних мечом, других забирая в плен, захватывая богатую добычу и вырывая из их рук девиц, юношей и все, что они старались унести и увести с собой. Герард из Керизи, преследуя также неприятеля на прекрасном коне, завидев турка, остановившегося на вершине горы с уверенностью в собственных силах, и бросился отважно на него; но турок, пронзив стрелой его щит, поразил его между печенью и легкими и, опрокинув за смертью на землю, увел с собой его лошадь. Балдуин, граф Геннегау (comes Hainanorum, откуда нов. Hainaut), муж славный щедрой милостью, и Роберт Фландрский обратили турок в бегство и, разсылая во все стороны, ободряли беспрепятственно своих с тем, чтобы они были без усталости и чтобы никто из них не останавливался в преследовании и не отказывался от резни. Балдуин Буржский, Фома из замка